
Анастасия Шерр
Хаджиевы
Марьям
Дочь варвара
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Анастасия Шерр

Хаджиевы: Марьям. Дочь Варвара

«Автор»
2026

Шерр А.

Хаджиевы: Марьям. Дочь Варвара / А. Шерр — «Автор», 2026

АннотацияОн — Рустам Эльдаров. Криминальный авторитет. Шрам на лице, кровь на руках, ни капли жалости к тем, кто встал на пути. Она — Марьям. Дочь его злейшего врага. Та, кого он не имеет права хотеть. Но одержимость сильнее ненависти. Сильнее старой вражды. Сильнее здравого смысла. Он возьмёт её себе. Даже если для этого придётся объявить войну. Даже если Варвар узнает и устроит кровавую резню. Она сопротивляется. Он не отступает. И где-то между ненавистью и страстью рождается то, что уничтожит их обоих. Или же спасёт

© Шерр А., 2026
© Автор, 2026

Анастасия Шерр
Хаджиевы: Марьям. Дочь Варвара

Анастасия Шерр
ХАДЖИЕВЫ
Марьям. Дочь Варвара
18+
Аннотация

Он — Рустам Эльдаров. Криминальный авторитет. Шрам на лице, кровь на руках, ни капли жалости к тем, кто встал на пути. Она — Марьям. Дочь его злейшего врага. Та, кого он не имеет права хотеть. Но одержимость сильнее ненависти. Сильнее старой вражды. Сильнее здравого смысла. Он возьмёт её себе. Даже если для этого придётся объявить войну. Даже если Варвар узнает и устроит кровавую резню. Она сопротивляется. Он не отступает. И где-то между ненавистью и страстью рождается то, что уничтожит их обоих. Или же спасёт…

ДЛЯ ВЗРОСЛОЙ АУДИТОРИИ

В книге изображены ревность, обман, эмоциональное давление, сцены насилия и близости. Все участники интимных отношений совершеннолетние.

Все события, персонажи, организации и заведения вымышлены. Произведение является художественным текстом, изображение поступков героев не означает их одобрения автором.

ГЛАВА 1

Администратор остановил меня у входа и с виноватым лицом промямлил, что забронированный столик занят. Из зала доносились голоса, звенели бокалы, а я никак не могла понять, почему мне предлагают ждать. Я еще раз показала администратору время звонка. Парень только развел руками, а за его спиной продолжали рассаживать новых гостей.

— Вы издеваетесь? Я звонила три часа назад! — выпалила я, снова показывая администратору экран телефона.

Голос сорвался, и несколько посетителей обернулись. День и без того выдался паршивым. Сначала препод завалил на экзамене, следом машина отказалась заводиться, а теперь еще столик отдали. Я с утра толком ничего не ела. Можно было купить булку по дороге и отправиться домой, но я стояла у входа и требовала, чтобы человек передо мной исправил хотя бы последнюю неприятность. Обычно я не скандалю из-за такой ерунды. А тут уже едва сдерживала слезы и злилась на парня за стойкой, хотя он-то откуда мог знать, какой у меня был день? Он смотрел на меня как на избалованную девчонку. Наверное, именно так я и выглядела.

Администратор указал на столик у окна и предложил занять его. Пока он говорил, мимо нас прошел официант с подносом. Я отступила, пропуская его, и снова повернулась к администратору. Теперь злилась еще и на то, что стою у всех на пути.

— Мне нужен столик, который я забронировала! — повторила я, показывая ему экран с временем звонка.

Я махнула рукой, откидывая волосы назад, и тут заметила, что за мной наблюдают. У барной стойки сидел мужчина. Довольно крупный, одет прилично вроде, с бокалом виски в руке. Только мне не понравилось, что он разглядывал меня с ленивым интересом, откровенно забавляясь над моей ситуацией. Шрам тянулся от виска до подбородка. Лицо у мужчины было жесткое, даже пугающее, но я почему-то опять на него посмотрела. Я отвернулась к администратору, но уже через миг опять посмотрела на незнакомца. Еще чего, стесняться его! Пусть хоть весь вечер сидит и слушает.

— Что смотрите? Первый раз женщину увидели? — спросила я, рассердившись на собственное смущение. И чего он так пялится?

Мужчина со шрамом продолжал разглядывать меня. Нахально и бессовестно. Я отвернулась к администратору, но вскоре опять покосилась на незнакомца. Под его взглядом стало жарко, хотя у входа тянуло прохладой. Мужчина заметил мое замешательство и улыбнулся. Захотелось ответить ему еще грубее.

— Впервые вижу, чтобы из-за столика так орали. Да еще в месте, где кормят так себе, — лениво протянул он, делая глоток виски. Акцент был знакомым. Так произносили некоторые слова мужчины в нашем доме. От этого сходства мне захотелось немедленно закончить разговор, хотя отойти от стойки я все еще медлила.

— Нет, только не это, — проворчала я себе под нос, узнав знакомое произношение.

Я все же повернулась к нему и коснулась ладонью края стойки. Под его взглядом стало неловко. Мужчина разглядывал меня, даже стакан отставил. Уйти сейчас означало оставить ему последнее слово, а я и без того натерпелась за этот день.

— А ваше мнение должно меня заботить? — спросила я, приподняв бровь. — Пейте свою гадость и не лезьте в разговоры, которые вас не касаются.

— Маленькая девочка привыкла, что все ей потакают? — Мужчина оглядел меня, задержался на сердитом лице. — А тут, надо же, столик не дали.

Я шагнула к стойке, забыв про администратора. Мужчина сидел, широко расставив ноги, и мне все равно пришлось поднять голову. Теперь я различала неровный край рубца, щетину вдоль него и глубокую складку у рта. Хотелось ответить так, чтобы стереть эту ухмылку.

— Маленькая девочка? Да будет вам известно, я работаю! — выпалила я, остановившись перед ним. — Причем куда больше некоторых самодовольных типов, которые пьют виски в шесть вечера. Скучно вам?

— Всегда такая дерзкая? — Он склонил голову набок. Даже не пытался скрыть, что ему весело. Я стиснула пальцы, придумывая ответ похуже. Еще несколько минут назад хотела поесть, теперь зачем-то рассказывала незнакомому мужчине о своей работе.

— А это вас не касается, — бросила я, рассердившись на дрогнувший голос. — Забирайте себе этот дурацкий столик и подавитесь. Приятно напиться!

Я развернулась, чтобы уйти, но мужчина резко поднялся и поймал меня за запястье. Его пальцы крепко сомкнулись на моей руке. Я застыла. Сердце колотилось так, что стало стыдно за собственный испуг. Он держал уверенно, будто имел на это право. Я рванула руку, но он удержал. Уже злясь на себя, попыталась освободиться еще раз. Стою и позволяю незнакомому мужику держать меня!

— Как тебя зовут? — спросил он тихо, впервые за весь разговор по-настоящему серьезно.

И опять этот акцент. До боли знакомый. Сколько раз я его слышала, не счесть. Но глаза… Так на меня не смотрят даже наши охранники, что уж говорить о посторонних мужчинах. Я вырвала руку резким движением, зыркнула на него так, что будь на его месте кто-то другой, уже обделался бы. А этот трогать начал! Хамло! Надо было взять с собой кого-нибудь из папиных мордоворотов. Чтобы симметрично лицо обработать.

— И это тоже не ваше дело, — процедила сквозь зубы и, гордо вскинув голову, зашагала прочь.

На улице я пошла к дороге, высматривая такси. Зря, наверное, так нахамила. Я ведь ни на кого раньше не срывалась с первой же встречи. Шрама испугалась? Или того, как он на меня смотрел? Я потерла запястье. Зачем позволила ему так долго держать меня? Надо было вырваться, едва схватил. Дошла до края тротуара, не обернувшись. Очень надеялась, что он этого не ждал.

Я шумно выдохнула и оглядела улицу в поисках свободной машины. Сдался мне этот столик! Перед администратором уже было стыдно за скандал. А перед типом со шрамом извиняться я все равно бы не стала. Пусть пьет свой виски и больше мне на глаза не попадается.

Желтая машина остановилась у тротуара, и я нырнула в салон. Повернулась ко входу в ресторан и увидела его… Мужика со шрамом. Он курил на улице и смотрел мне вслед.

— Какой же ты ужасный, — проговорила тихо, а на вопросительный взгляд таксиста улыбнулась. — Это я не вам…

* * *

На пустом складе пахло пылью и ржавчиной. Марат не любил приезжать сюда, но ради встречи с Эльдаровым пришлось. Этот разговор касался и Саида, и Валида, и всей семьи. Уступать свою территорию Хаджиевы не собирались. Рустам мог бы усвоить это еще в прошлый раз.

Марат много лет уверял Снежану, что отошел от прежних дел. Часть опасных занятий он и правда оставил, но от дележки территорий так и не отказался. Жена об этом не знала. Братья и охрана при ней помалкивали, потому что Марат строго запретил им обсуждать его дела дома. Рустам уже сидел за длинным столом, развалившись на стуле так, будто здесь все принадлежало ему. У Марата завибрировал телефон. Он взглянул на экран и принял звонок, при виде имени жены лицо у него смягчилось.

— Да? Нет, я скоро буду, — ответил Марат жене, отходя от стола. — Как ты? Марьям приехала домой?

— Правду говорят, что Варвар уже лишился зубов и не кусается, — хмыкнул Рустам, покручивая в пальцах зажигалку. — Совсем ручным стал, Хаджиев. Жена не выпускает из-под юбки? Под каблуком теперь, да? — Марат убрал телефон и поднял глаза. Рустам смотрел на него с довольной ухмылкой, уже готовый к очередной колкости. Хаджиев уперся ладонью в стол и медленно сел напротив.

— Мои зубы всегда при мне, — проговорил Марат, встретив его взгляд. — Теперь я выбираю, кому их показывать. А ты, смотрю, все такой же. Юморной парень. Напомни, когда мы познакомились?

Раньше за подобное он бил без разговоров. Сейчас откинулся на спинку стула и посмотрел на зажигалку Эльдарова. Эльдаров нарочно положил ее на его стороне стола. Добивался ссоры с первых слов, а Марат приехал обсуждать территории. Поддаваться на каждую выходку этого безбашенного придурка он уже устал.

Рустам был крупным мужиком, немногим ниже Марата, зато шире в плечах. Он смотрел на Хаджиева так, будто заранее решил, что уступать ему не станет. Шрам, тянущийся от левого виска через скулу до подбородка, старый, побелевший от времени, все еще уродовал его лицо, придавая ему что-то звериное. Рустам и не думал прятать уродливый рубец. Люди знали, откуда он взялся, и знали, каким жестоким стал его обладатель. Марат помнил тот вечер лучше остальных. Шрам он оставил сам, много лет назад. Еще до Снежаны, до всего остального. В той, прошлой жизни. Тогда Рустам был мелкой сошкой с замашками бандита. Не такой, как сейчас. Сейчас он стал более циничным и носил шрам с гордостью. Марат тогда разбирался коротко, ножом, без лишних разговоров. Мог убить, но не стал. Оставил жить, чтобы помнил, кому попытался перейти дорогу.

— Забавно слышать про зубы от того, у кого вся морда сплошное напоминание о страшном дне, когда его изуродовали и оставили валяться на снегу, — Марат позволил себе усмешку, разглядывая старый шрам. — Или ты забыл, кто тебе его оставил? Могу освежить память.

Рустам провел пальцем по шраму. Марат следил за этим движением и хорошо помнил, как выглядело лицо Эльдарова в тот вечер. Теперь рубец побелел, борода скрывала его нижний край. Сам Рустам повернулся к свету, выставив щеку напоказ.

— Не забыл, — ответил он. — Каждое утро в зеркало смотрю. Ты меня тогда оставил жить, Хаджиев. Уже тогда начал терять зубы? Я бы тебя убил. Даже не задумываясь. — Марат отодвинул зажигалку к ее владельцу и напомнил, сколько времени прошло с той драки. Разговор опять сворачивал к хамству. Рустам в ответ хлопнул себя по колену.

— Нет, ты точно обзавелся вставной челюстью. Еще немного, и в кисель превратишься. Это семья тебя таким мягкотелым сделала? Бедолага. — Один из его людей ухмыльнулся, и Марат перевел на него взгляд. Улыбка исчезла.

— Тебе бы шрам залечить получше, а не о моих зубах волноваться, — бросил Марат, снова посмотрев на Рустама. — Или нарочно его таскаешь напоказ, чтобы девки жалели? Ты им по тройному тарифу платишь за свою морду? Иначе никак? — Он покачал головой, разглядывая старый рубец. Рустам оставил зажигалку на столе. Теперь смотрел без прежней усмешки, и Марат с мрачным удовольствием дождался его взгляда.

— Мне даже жалко тех, кого ты сношаешь, — добавил Варвар. Один из людей Эльдарова дернулся, но сам Рустам лишь качнул головой, останавливая вспылившего молодого охранника одним взглядом. Марат усмехнулся.

— Какая горячая кровь у тебя и твоих парней. Истинные волки! — усмехнулся Марат, пригвоздив взглядом дернувшегося охранника.

— А твоей бабе, значит, доплачивать не нужно было? — Рустам тоже усмехнулся. — Или ты ей дом подарил, и она сама прибежала, хвостом повиливая? Слышал, у тебя дочка уже взрослая? Марьям, кажется? Ты только что имя ее назвал.

Марат подался вперед и остановился, упершись кулаками в край стола. Рустам заметил движение, улыбнулся шире. Он напомнил о дочери, и вся усталость от затянувшегося спора исчезла. Обычно болтовню о дочери Хаджиев обрывал, не давая договорить. Здесь же ее имя смаковал человек, от которого следовало держать семью подальше. С Рустамом можно было торговаться, спорить, вспоминать кровь и старые долги, но говорить о Марьям этому ублюдку он не позволит.

— Ты сейчас сказал что-то про мою дочь? — Марат перестал улыбаться и наклонился через стол. — Повтори.

Рустам откинулся назад и напомнил, что имя дочери только что произнес сам Хаджиев. Марат слушал, нервно дернулась щека. Эльдаров успел еще раз поддеть его возрастом. Хаджиев подался к нему.

— Слушай внимательно, Эльдаров, — произнес он. — Можешь скалиться и сколько угодно трепать языком. Но еще раз упомянешь мою дочь, я тебе язык вырву. И плевать на нейтральную территорию. Понял?

К разговору о территориях вернулись с трудом. Еще полчаса спорили, перебивали друг друга и отвергали любые уступки. Когда Рустам отодвинул стул, люди с обеих сторон потянулись к оружию. Марат увидел движение охранников и поднялся следом.

— Успокой своих орлов, — бросил Рустаму Марат.

— На выход, — кивнул своим и тоже направился к выходу Рустам. Остановился, правда. Задумчиво почесал бороду. — Что ж, тогда пусть решает сила, да? Как раньше ножичком не получится уже, Варвар. Семье привет от дяди Рустама!

Он направился к выходу, а Марат смотрел ему вслед, чувствуя, как зверь внутри требует довести дело до конца здесь. Перед встречей оба дали слово разойтись живыми. Марат придерживался договора, хотя кулаки чесались. Он проводил Эльдарова мрачным взглядом до самого выхода и отвернулся к своим людям.

— Марат Саидович, — осторожно позвал один из охранников, когда Рустам вышел. — Что теперь? Отпустим их?

Марат велел пока оставить Эльдарова и заняться охраной дома. После упоминания Марьям возвращаться к торгу уже было трудно. Он поднял со стола телефон, проверил сообщения от жены и убрал его. Люди стояли, ожидая приказа. На усиление охраны требовалось время, и откладывать до следующей встречи с Рустамом он ничего не собирался.

— Передай Саиду, что Эльдаров не отступит. За ним нужно присмотреть, — распорядился Марат, направляясь к выходу. Охранник пошел следом и напомнил, что Рустам опыт-

ный. Слежку на раз-два заметит. Марат задержался у выхода. Безопасник замолчал, наткнувшись на его взгляд.

— Сделайте так, чтобы не заметил. Или зачем вы мне тогда сдались? — отрезал грубо и вышел.

* * *

По дороге от склада Рустам молчал, обдумывая слово, вылетевшее из уст Варвара. Марьям. Стоило заговорить о дочери, и у Хаджиева изменилось лицо. Рустам видел, как тот подался вперед, забыв о делах и своих требованиях. Именно такой реакции он и добивался. Не зря Варвара чуть не порвало на куски, когда он о дочке заговорил. Варвар мог сколько угодно упираться из-за земли. Теперь Рустам знал, чем заставить его уступить, и собирался выяснить о дочери Хаджиева все.

— Пробей мне дочь Хаджиева, — бросил он водителю, когда машина остановилась у его дома. — Все, что найдешь. Фото в первую очередь и маршруты.

На следующий день пришел его человек, постучал и вошел в кабинет. Молча положил папку перед Рустамом и вышел. Рустам не любил лишних разговоров. Хорошую работу оплачивал щедро и считал, что его людям этого достаточно.

Марьям Маратовна Хаджиева, двадцать лет, учится на дизайнера в платном университете, живет с семьей в загородном доме под усиленной охраной. Хаджиевы… Вот вы и попались. Взял пачку снимков, перевернул лицевой стороной к себе.

Увидел верхнюю фотографию и замер. Светлые глаза. Темные волосы, откинутые за плечо. Тот самый дерзкий изгиб пухлых губ, который он видел в ресторане вчера, когда эта девчонка послала его куда подальше из-за какого-то дурацкого стола.

— Ах ты ж… — выдохнул он тихо, откидываясь на спинку кресла.

Кто бы мог подумать? Дочь Марата Хаджиева. Та самая девчонка с острым языком, которая вчера вырывала руку из его пальцев. Рустам усмехнулся и поднес снимок ближе. Он еще вчера вспоминал, как она вырывала руку из его и смотрела в глаза. Дочь Варвара, за которую тот бросится драться, едва узнает, что о ней наводят справки. Вчера она была дерзкой незнакомкой, которую хотелось поставить на место, а сегодня выяснилось, что через нее можно добраться до Марата.

— Зайди! — крикнул Рустам в коридор. Парень появился через минуту и прикрыл за собой. — Собери мне полное досье, — приказал, не отрывая взгляда от фотографии. — Расписание, маршруты, друзья, привычки. Все.

— Зачем, Рустам Ниязович? — неосторожно спросил тот. Рустам швырнул снимок на стол и подался вперед. Он ждал, пока парень поднимет глаза. Тот поспешно вытянулся, поняв, что задал лишний вопрос.

— Я перед тобой отчитаться должен? — Рустам подался вперед. — Нужен мне Хаджиев! Всю их семейку прощупаю и обчищу! И эта коза ответит за хамство! — Будь он чуть помоложе и таким же безбашенным, как в юные годы, девчонка уже лежала бы в его постели. Тогда он ее отпустил, не зная, кто перед ним. Сейчас жалел, что отпустил. Ну ничего. Свое наверстает.

ГЛАВА 2

Утром отец испортил мне настроение раньше, чем я успела выпить кофе. Я спустилась на первый этаж, сонная после будильника, и увидела в окно вторую машину охраны. Обычно со мной ездили двое, и этого хватало, чтобы чувствовать себя несовершеннолетней дочкой президента. Это в мои-то двадцать! Сегодня людей стало вдвое больше. Бали, наш охранник Али, которого я с детства так называла, стоял у крыльца, еще один мужчина разговаривал с водителем. Папа ел яичницу и листал сообщения с таким спокойным лицом, что хотелось забрать у него телефон, повернуть к окну и заставить посмотреть, что там происходит. Оставалось только понять, кого от меня охраняют. Но отец доедал завтрак и объясняться не собирался.

— Что случилось? — спросила я, усаживаясь напротив. — Только на этот раз объясни нормально. Почему у нас во дворе половина твоих людей?

Он пожелал доброго утра таким тоном, что я поняла намек. Я поздоровалась, взяла чашку, которую поставила мама, и продолжила ждать. Отец отложил телефон. Борода у него была взъерошена, под глазами залегли тени. Похоже, вернулся поздно и толком поспать не успел. Мама переставляла чашки у кофемашины, хотя все они и так стояли ровно. Значит, они с папой уже обо всем поговорили. Без меня. Я перевела глаза с мамы на папу.

— С сегодняшнего дня с тобой ездит еще одна машина, — сообщил он, отодвигая тарелку. — Бали все знает. Ты слушаешь его и лишних споров на улице не устраиваешь.

Я отпила кофе, обожгла губу и поставила чашку с таким стуком, что мама повернулась. Вторая машина. Четверо взрослых мужиков, которым предстоит следить, как я иду за тампонами или в туалет. Захотелось спросить, выдадут ли мне теперь расписание, когда ходить по малой нужде, но я увидела папино лицо и выбрала другой вопрос. С кем он поссорился? Мама перестала размешивать сахар, и этого оказалось достаточно. Я подалась вперед. Отец заметил, как мама замерла, посмотрел на нее и вернулся ко мне уже с готовым решением закончить тему.

— У тебя занятия через час, — напомнил он. — Позавтракай, соберись. Я вечером дома буду, тогда поговорим.

Вечером обычно выяснялось, что я устала, он занят, тема давно закрыта и новый вопрос лучше отложить. Я этот порядок знала. Мама положила передо мной сырники, погладила по плечу. Она всегда так делала, когда боялась, что мы с папой поругаемся. Я взяла вилку, разломила один и вместо еды принялась объяснять, что имею право понимать, от кого меня собираются охранять. По лицу отца я видела, что он злится все сильнее.

— Я велел усилить охрану. Пока тебе достаточно это знать, — отрезал он. Я отложила вилку, даже не притронувшись к сырникам.

— Я твоя дочь, а не один из людей, которым ты отдаешь приказы, — сказала я. — Пап, ну ты же понимаешь, как это выглядит! Вчера одна машина, сегодня две. Завтра меня вообще из дома выпускать перестанут? Или на танке повезут?

Он поднял глаза. Такой голос у него появлялся редко, но я узнавала его с первого слова. Тихий, жесткий. Назвал меня по имени и велел закончить. Мама округлила глаза, попросила взглядом остановиться. Я встала, отодвинув тарелку. Ссориться с охраной было бессмысленно. Приказ получили, выполнять будут со всем усердием. А с отцом я вечером все-таки поговорю. Наверх шла, сердито вытирая мокрый от кофе палец о домашнюю футболку, и вспоминала, как мой сводный брат Виталий уехал учиться за границу. Вот кому хорошо! За ним никогда так не следили. Он мальчик. Вот и все. Кайфует там, наверное, вовсю.

Ресторан вспомнился, когда выбирала одежду. Мужчина со шрамом, его пальцы на моем запястье, наглая усмешка. Я рассердилась на себя за это воспоминание и надела первую попавшуюся блузку. Папины дела шли много лет, вряд ли незнакомец, с которым вчера поцапалась, имел отношение к лишней машине. В детстве отец казался большим бизнесменом с толпой друзей. Позже я заметила оружие, ночные приезды, мамино молчание после звонков. Подробностей мне никто не объяснял. Но считать, что вокруг моего дома собрались бухгалтеры, я давно перестала. Злилась на себя. Нашла о чем думать! Нельзя думать о том мужчине, вспоминать его пальцы на своем запястье.

После занятий я задержалась с девчонками на ступенях. Алина показывала платье, которое заказала и теперь собиралась возвращать, потому что на фотографии оно выглядело иначе. Я советовала, где подшить, смеялась, краем глаза замечая Али. Он ждал у машины и несколько раз посмотрел на часы. Вторая стояла дальше. Хотелось назло пойти пешком, сесть в автобус, посмотреть, сколько понадобится папе, чтобы приехать самому. Только Бали было жалко. Он

возил меня еще со школы, терпел опоздания и мои дурные дни гораздо дольше, чем заслуживал за любую зарплату.

Я попрощалась с Алиной, достала телефон и увидела вдруг знакомый профиль. Мужчина со шрамом стоял у черной машины. В темной рубашке с закатанными рукавами, без вчерашнего пиджака. Говорил по телефону, но, заметив меня, закончил разговор. Смотрел так уверенно, что первое подозрение возникло раньше, чем он двинулся навстречу. Ждал. Приехал сюда ко мне. Я остановилась, прижав локоть к боку, и услышала, как он назвал меня по имени.

— Марьям, — произнес он, подходя. — Теперь хоть знаю, как звать человека, который испортил мне вчерашний ужин.

Я имени ему не называла. Мы смотрели друг на друга, пока он убирал телефон в карман. Захотелось оглянуться на охрану, но это означало бы показать, что испугалась. Я продолжала стоять. Мужчина заметил мое замешательство, усмехнулся. Меня передернуло. Вчера он был раздражающим незнакомцем в ресторане. Сегодня знал, где я учусь и когда выхожу. Вряд ли успел спросить обо всем у случайного прохожего. Я пожалела, что не подошла к Бали, пока этот человек разговаривал по телефону.

— Откуда вы знаете мое имя? — потребовала я. — И что здесь делаете? Вчера вопрос задали, ответа не получили. Это вас так обидело?

— Имя узнать нетрудно. Приехал, потому что хотел тебя увидеть, — ответил он и коротко рассмеялся. Сказал так уверенно, что я едва не начала оправдываться за свой вопрос.

— Вы выясняли, кто я, где учусь… Я должна этому обрадоваться? — Я оглянулась на машину, но уходить не стала. Он явился сюда, пусть объясняется.

— Ты всегда устраиваешь допрос через десять секунд после встречи? — Мужчина убрал телефон в карман и повернулся ко мне. На этот раз ответ нашелся вовремя.

— Только тем незнакомцам, которые появляются у моего университета после одной перепалки. — Я знала о нем только то, что увидела вчера, а он обо мне успел разузнать гораздо больше. Это злило. При дневном свете его шрам выглядел грубее. Светлый неровный рубец шел от левого виска через щеку вниз, терялся в бороде. Я засмотрелась на шрам. Мужчина заметил, коснулся пальцем щеки и спросил, нравится ли. Еще чего! Откуда мне вообще могло прийти в голову, что нравится? Напомнил детского Бабайку. Когда я боялась засыпать, папа заглядывал под кровать, а мама проверяла шкаф и убеждала меня, что там никого нет. Я сердито переступила с ноги на ногу и спросила, как же надо жить, чтобы так получить по лицу.

— Хороший вопрос, — сказал он, перестав улыбаться. — Дома спроси. У отца.

Я замолчала. Теперь папина утренняя усталость вспомнилась совсем иначе. Этот человек знал его. Знал меня. Теперь еще предлагал расспрашивать отца о шраме. Я уже боялась того, что могу услышать. Я попросила объяснить, при чем здесь папа. Мужчина назвал Марата Хаджиева по имени, по фамилии. Сказал, что знакомы давно. Именно тогда я увидела Бали, который шел к нам быстрым шагом. На лице у него было такое выражение, с каким я раньше видела его только ночью после тревожного звонка.

— Марьям Маратовна, едем домой, — произнес он, вставая ко мне боком. Плечо закрыло половину обзора. — Сейчас.

Я хотела возмутиться. Али разговаривал со мной слишком резко, особенно при постороннем. Но мужчина со шрамом вдруг назвал его по имени, спросил, все ли еще работает на Хаджиева. Охранник ответил одной фамилией. Эльдаров. С такой неприязнью, что я невольно сделала шаг к машине. Эту фамилию слышала дома, когда к папе приезжал дядя Валид. Тогда прошла мимо кабинета. Сейчас хотелось вернуться в тот день и послушать хотя бы минуту.

— Рустам, — представился мужчина, снова глядя на меня. — Теперь знакомы. Тебе полегчало?

Я ответила, что пока стало только больше вопросов. Он усмехнулся. Бали взял меня под локоть, указал на машину. Я потребовала отпустить, он убрал руку, но остался между нами.

За годы рядом с охраной я научилась различать обычную настороженность и подготовку к настоящей неприятности. Сейчас было второе. Рустам смотрел на него спокойно, даже с удовольствием. Я стояла среди взрослых мужчин, которые понимали, что происходит, и впервые искренне пожалела, что задержалась на ступенях.

Перед тем как я села, Рустам повторил свою просьбу спросить у Варвара про шрам. Я обернулась. Прозвище я знала, но дома его почти не произносили. Для нас он был папой. Мама звала его Маратом. О том, за что его так прозвали, с нами почти не говорили. Он произнес «Варвар» с таким удовольствием, что я разозлилась еще сильнее. Я спросила, говорит ли он об отце. Рустам подтвердил. Улыбка исчезла. Я села в машину сама, без нового спора, и только через стекло позволила себе еще раз посмотреть на него.

Бали позвонил папе прежде, чем мы выехали со стоянки. Сообщил о встрече, сказал, что везет меня домой. Ничего лишнего. Я слушала и пыталась вытянуть объяснение хотя бы после звонка. Кто такой Эльдаров? Почему Бали смотрел на него так? Что за шрам? Охранник отвечал, что Марат Саидович сам все расскажет. От этого хотелось кричать. Я заметила, как он проверяет зеркало заднего вида, и замолчала. Рустам за нами не поехал. Остались только мысли о нем…

Папа ждал в кабинете. Я вошла, он поднялся из-за стола и посмотрел мне в лицо. Уже знал о Рустаме от Бали. Поэтому спросил, о чем успела поговорить. Я ответила, затем добавила, что знакомство состоялось вчера, в ресторане. Эта фраза заставила его застыть всего на пару секунд, но мне этого хватило.

Отец положил телефон, потребовал рассказать с начала. Я перечислила стол, ссору, его руку на моем запястье. На последней фразе он подошел и взял мою кисть. Я высвободила, сказала, что все в порядке. Следов и правда не было.

— Он тогда знал, кто ты? — спросил папа, продолжая смотреть на руку. — Ты фамилию назвала? Имя?

Я покачала головой. Ничего не назвала. Ушла, даже имени не сказала, потому что рассердилась. Отец выслушал, отошел к окну. Я ждала. Наконец папа сказал, что Эльдаров его давний враг. Опасный человек, от которого следует держаться подальше. Я опять разозлилась. Я уже слышала достаточно приказов. Теперь хотела подробностей. Спросила про шрам. Папа повернулся так медленно, что следующий вопрос застрял в глотке.

— Я оставил, — ответил он, увидев, что жду. — Ножом.

Я невольно опустила глаза к его рукам. Эти руки поправляли мне одеяло, поднимали велосипед, держали голову, когда маленькой плакала от боли в ухе. И когда-то взяли нож. Я знала, что отец далеко не преподаватель литературы. Знала о его прошлом больше, чем он думал. Но когда он произнес это сам, мне стало по-настоящему страшно. Я села в кресло и уставилась на свои руки. Отец хотел подойти, остановился. Наверное, видел по лицу, насколько сильно меня задело. Я спросила, за что.

— Заслужил, — коротко бросил папа. — Забудь.

Я ждала, что папа расскажет, как все случилось. Скажет хотя бы, что Рустам напал первым. Но он требовал забыть и даже не пытался объяснить свой поступок. Я знала, что он меня любит, что никогда не обидит, и все равно не решалась встать с кресла и подойти к нему.

Я вытерла ладонью лицо. Сначала рассказать про нож, а потом велеть все забыть. Отличный разговор, пап. Отец подошел, уперся ладонью в подлокотник. Я подняла голову, стараясь смотреть ему в лицо, а не на руку. Он сказал, что Рустам сам нарвался, но дальнейшие подробности пока оставит себе. Для меня сейчас главное, уходить, если увижу его снова, звать Бали, звонить домой. Я спросила, зачем тогда Эльдаров пришел ко мне. Папа замолчал. Вот этот вопрос оказался похлеще истории со шрамом.

— Он хочет получить то, что ему не принадлежит, — ответил отец. — И ищет, чем меня прижать. Ты для него хорошая возможность. Поэтому слушай меня и охрану, дочь. Хоть в этом послушайся.

Я отвернулась. Хорошая возможность. Вчера Рустам смотрел на меня в ресторане. Он уже знал, кто я? Может, он смотрел на всех так же. Может, я сама придумала значение его взгляду. Я вспомнила, как стояла у университета, хотя могла уйти, и рассердилась на себя. Отец увидел, что я молчу, присел на край стола. Спросил, напугал ли меня Эльдаров. Я ответила, что напугали они оба. Он выдохнул, провел ладонью по затылку и вернулся ко мне.

До мамы у папы была другая семья. Залина и маленький сын погибли. Фотографию мне показали, когда я подросла. Подробности спрашивала редко, потому что его лицо менялось даже от осторожного вопроса. Сейчас впервые подумала, что лишняя машина у въезда связана и с этим страхом. Все равно злилась. Все равно хотела жить без постоянного надзора. Но когда отец положил руки мне на плечи, я позволила. Он смотрел внимательно, пытался убедиться, что я услышала важное, а не только историю о ноже.

— Когда-то я оставил его жить, — сказал папа тихо. — Очень прошу, дочь, держись от него подальше. Не заставляй меня снова задуматься, правильно ли тогда сделал.

Я обняла папу, прижалась к его рубашке. Отпускать не хотелось, но я все-таки отстранилась. Пообещать, что никогда не вспомню Эльдарова, было бы глупо. Я уже всю дорогу думала о нем. Отец отпустил, попросил поесть. Я кивнула и поднялась к себе. Хотела переодеться, вместо этого села на кровать, достала телефон и открыла поиск. Набрала имя. Рустам Эльдаров. Нужно было убрать телефон. Вместо этого я нажала поиск. Я хотела найти его фотографию. Рассмотреть лицо, которое папа велел забыть, и прочесть хоть что-нибудь о нем без папиных объяснений.

* * *

Рустам узнал только то, что его человек мог увидеть с улицы. Машины Хаджиевых вернулись домой, Марьям вошла в дом. Внутри никто для него не работал. О чем дочь говорила с отцом, оставалось предполагать. Эльдаров рассчитывал, что спросит про шрам. Он рассчитывал, что его намек заставит Марьям расспросить отца и впервые усомниться в нем. Этого для начала было достаточно. Он сидел в кабинете, курил у окна и время от времени поворачивался к фотографии, полученной утром.

Марьям разглядывала его с любопытством. Рустам видел это и теперь вспоминал ее лицо, когда назвал по имени. Девушка ему понравилась. Своим голосом, упрямством, тем, как пыталась держаться независимо, хотя явно волновалась. Он мог хотеть ее и одновременно понимать, как ее привязанность поможет ему в споре с отцом. Территории Хаджиевых никуда из его планов не исчезли. Теперь появился способ добраться до них через человека, которого хотелось увидеть еще раз.

Рашид спросил, продолжать ли собирать сведения. Рустам подтвердил. Помощник неосторожно уточнил, забирать ли девушку, если когда-нибудь останется одна. Эльдаров повернулся так резко, что тот замолчал. Встать, ударить за лишнюю мысль было бы привычно. Рустам остался сидеть. Приказал наблюдать и докладывать, но к ней не подходить. Охрану Хаджиева тоже оставить в покое. Ему нужна девушка, которая захочет приехать сама, а не запуганная заложница, из-за которой весь Хаджиевский клан поднимется на ноги. Даже если войне все равно быть, начинать ее первым он не планировал. Взять то, что ему принадлежит. На этом все.

Когда помощник вышел, Рустам взял фотографию. На снимке Марьям улыбалась, и шелковистые волосы рассыпались по плечам. Сегодня улыбки от нее почти не получил, а все равно возвращался мыслями к каждой сказанной фразе. Он положил снимок рядом с планом складского двора. Собирался заняться условиями следующей встречи, но некоторое время смотрел

только на нее. Отодвинул бумаги, подвинул пепельницу и усмехнулся. Интересно, что наплетет ей Варвар?

ГЛАВА 3

Я увеличила фотографию Рустама Эльдарова, чтобы проверить, носит ли он обручальное кольцо, и от злости на себя швырнула телефон на кровать. Вот ведь дура! Папа рассказал мне, как распорол этому человеку лицо, а я изучаю его пальцы. Следовало выяснять, насколько серьезно все у них с отцом. Вместо этого я уже знала, что в сером костюме Эльдаров выглядит лучше, чем в черном. И что кольца на той фотографии нет. Потянулась за телефоном, когда ко мне постучалась мама.

Она вошла с подносом фруктов, поставила его на стол и задержалась. Я успела погасить экран. Мама посмотрела на меня, на разбросанные вещи. После университета я даже туфли сбросила посреди комнаты. Одну сейчас отодвинула ногой под кровать, вторую оставила. Мама достала обе и поставила вместе, а я следила за ее руками и прикидывала, что она могла увидеть на моем экране.

— Вы с папой поругались? — спросила она, присаживаясь на кровать. — Он вышел из кабинета с таким лицом, что я решила сначала накормить его.

Я невольно улыбнулась. Мама умела вовремя поставить перед папой тарелку, усадить его и лишь после этого завести трудный разговор. Пока он ел, удавалось хотя бы высказать все до конца. Захотелось положить голову ей на колени и рассказать про университет, про Али, про дурацкое желание дослушать Рустама, когда меня уже уводили. Но о встрече она могла узнать от отца. А о фотографиях лучше пока помолчать.

— Я спросила про одного его знакомого. Ты у него сама уточни, — попросила я, убирая телефон под подушку. — Мам, только давай сегодня уже без разговоров про охрану. Я с ней приехала, с ней завтра уеду, — раздраженно проговорила я.

Мама провела ладонью по моим волосам, успокаивая. Она даже папу способна усмирить, что уж про меня говорить. Я наклонилась к ней, прижалась щекой к кардигану. От ткани пахло ее парфюмом и фруктами. Хорошо. Спокойно. Она поцеловала меня в макушку, позвала ужинать и поднялась. Я дождалась, пока мама выйдет, вытащила телефон и вернулась к фотографии.

У Эльдарова был сайт его компании. Контакты, несколько новостей, снимки с деловых встреч. На одном Рустам стоял в расстегнутом пиджаке, положив руку на спинку стула. Сволочь, даже на фотографии смотрел так, что хотелось одернуть собственную футболку. Я прочитала подпись с именем и отчеством, нашла номер приемной и сохранила страницу. Сунула телефон в карман и пошла вниз.

За ужином мама заговорила о Виталике. Он взял билет на следующую неделю, прилетит вечером, точное время еще напишет. Я полезла за телефоном уже с удовольствием. Соскучилась по брату так, что захотелось пищать от радости. Написала, что лично проверю чемодан, потому что обещанный подарок жду с прошлого месяца. Папа попросил напомнить Виталию про номер рейса и кивнул на мою тарелку.

— Поешь, дочь. Ты сегодня с утра воюешь, — сказал он, накладывая мне гарнир. — Отдохни хоть за столом.

Я отложила телефон. На папиной руке было кольцо, которое он иногда крутил, когда задумывался. Опять кольцо! Куда же от этой темы деться? Мама спросила про наброски, и я с радостью ухватилась за новую тему. Рассказала про задание, пожаловалась на преподавателя. Папа слушал, изредка задавая вопросы, а я отвечала ему и старательно жевала.

На следующий день я позвонила в приемную Эльдарова между занятиями. Ушла в пустой конец коридора, встала у окна. Во дворе двое рабочих таскали длинную доску, споря, как ее развернуть. Я смотрела на них и слушала гудки, готовая нажать отбой. Все претензии, которые

придумывала ночью, внезапно оказались до смешного короткими. А как начнет спрашивать, зачем я его разыскивала, что отвечать?

Секретарь ответила деловым голосом. Я попросила Рустама Ниязовича, старательно выговорив отчество. Женщина уточнила, как меня представить и по какому вопросу звоню. Назвать фамилию я побоялась, сказала только имя. И что разговор личный. Секретарь помолчала и сообщила, что Рустам Ниязович занят.

— Передайте ему, что Марьям просила перезвонить. Он вчера ко мне приезжал, теперь у меня есть вопросы, — проговорила я, глядя на рабочих. — И еще, я терпеть не могу, когда мной пытаются манипулировать и ссорить со своей семьей. Обязательно ему это передайте.

Последние две фразы стоило оставить при себе. Секретарь попросила номер, повторила цифры и вежливо попрощалась. А я осталась стоять с телефоном у уха. Секретарь теперь знала, что вчера ее начальник приезжал к какой-то Марьям, у которой к нему личные претензии. Замечательно. Осталось обвешать объявлениями каждый столб в городе. А лучше в прессу, чтобы и папа, и мама знали, что я бегаю за врагом отца. Возможно, очень опасным врагом. Лицо у него располагает…

На занятие вернулась сердитая. Вытащила альбом, перепутала листы, взялась за карандаш. До конца занятий Эльдаров так и не перезвонил. Зато позвонила мама, пришло сообщение от брата, а в группе курса успели поругаться из-за консультации. К каждому новому звуку я тянулась с одинаковой поспешностью. Когда вышла к машине Али, еще раз оглядела улицу, искала черную машину. Вчера требовала объяснить, зачем он явился. Сегодня высматривала сама! Домой ехала, уткнувшись в рисунок незаконченного рукава.

Дома нашлось занятие получше. Папа собирался отдать в ателье новую рубашку. Рукава оказались длинными. Я вызвалась укоротить. Мама приподняла брови, но я заявила, что с двумя рукавами справлюсь, и через полчаса усадила отца перед зеркалом. Он вытянул руку, пока я прикладывала сантиметр и перекалывала булавку. Мой телефон зазвонил на столе с нитками. Я потянулась за ним так резко, что папа одернул руку.

— Сначала иголки из меня вытащи, — проворчал папа. — После отвечай своим заказчикам. Я тебе еще живой нужен.

Заказчикам. Он сам это сказал, разглядывая мой раскрытый альбом. Я вынула булавку и ответила. Услышала низкое «Марьям?» и вцепилась в край стола. Папа сидел передо мной, поправлял манжету. Достаточно поднять голову, и увидит мое лицо. А по нему сейчас многое можно было понять.

— Да. Слушаю вас, — выговорила я, отворачиваясь к зеркалу. Там отразились красные уши. Очень вовремя. — По поводу заказа?

Из трубки донесся скрип, затем смешок. Конечно, смешно. Еще бы он видел меня с сантиметром на шее! Папа поднялся, показал рукав. Я кивнула, заметила вторую булавку и помогла ему освободиться. Отец напомнил, что рубашку хочет надеть послезавтра, и пошел переодеваться. Даже не закрылся.

— Заказчик, значит, — произнес Рустам, когда я наконец смогла отойти от стола. — Быстро ты мне занятие придумала. С кем была? Голос знакомый. Не Варвар ли? — Я вышла в коридор, убедилась, что отец свернул в спальню, и пошла к лестнице. Тихо ответила.

— Не называйте моего папу Варваром. Он покончил с прошлым. — Рустам хмыкнул. Очень хотелось увидеть его лицо, понять, насколько он доволен тем, что я вынуждена шептаться, как ребенок. Внизу мама с кем-то разговаривала по видеосвязи. Я прикрыла микрофон ладонью и прошла мимо кухни.

— Из-за вас я вчера с отцом поссорилась, — сказала я, убирая ладонь. — Вы специально все это устроили? Приехали, наговорили, отправили меня спрашивать про шрам. Чего добиваетесь?

Я вышла на террасу, прикрыла за собой и села в кресло. У ограды виднелась спина охранника, из кухни доносился мамин голос. Никто не мешал нам разговаривать. Я сама не хотела заканчивать. Дома занимались своими делами, пока я шла на поводу у этого непонятного человека. Но должна же я знать, что ему нужно от меня и моей семьи! На джинсах висела длинная нитка, и я принялась отрывать ее, слушая Рустама.

— Тебя хотел увидеть, — ответил он. — С отцом я и без тебя встречусь. Есть что спросить, спрашивай у меня. Хватит людей в моей приемной стращать.

Я выпрямилась. Еще и замечание получила! Хотелось вернуться в дом и закончить разговор. Но вспомнила, как он вчера смотрел на меня, когда произнес мое имя, и осталась сидеть. Только спустила ноги на плитку, чтобы хотя бы немного остыть. Тело обдавало волнами жара. Почему-то…

— У меня есть вопрос, — сказала я, наматывая нитку на палец. — Вы к каждой девушке после одной ссоры приезжаете? Или мне так повезло с фамилией?

Он рассмеялся, а у меня нитка впилась в кожу. Пришлось размотать нитку. Я приготовилась защищать папу, хотя еще вчера жаловалась маме, как трудно с ним спорить. В трубке что-то хлопнуло, посторонние звуки стихли. Рустам заговорил уже серьезнее.

— Ты мне понравилась еще в ресторане. Фамилии твоей я тогда знать не знал. Хотел познакомиться. Ты вырвала руку и ушла, задрав нос. А теперь сама звонишь. Давай хотя бы сегодня разговаривать без психов. — Я уставилась на собственные ноги. Плитка холодила ступни, а я сидела и зачем-то улыбалась. Как полная дура. Провела ладонью по лицу. Он только что отчитал меня и опять начал командовать. А услышала я главным образом то, что понравилась. Вернула ноги на кресло, поджала под себя. Уходить расхотелось.

— Теперь объясни, что я у тебя заказал, — потребовал он. — Отец услышал? Ты ведь ему сказала про работу.

Пришлось признаться, что папа решил сам, а я подхватила. Рустам засмеялся, на этот раз дольше. Я затолкала нитку в карман и рассказала про рубашку. Про то, что учусь на дизайнера, иногда беру небольшие заказы. Он уточнил, что именно умею делать. Я даже отправила ему фотографию наброска жакета, чтобы не объяснять все на пальцах. Пока объясняла, вспомнила покупательницу, которая заставила меня переделывать один эскиз четыре раза. Все варианты показывала подруге, и той каждый раз что-нибудь мешало. Рустам спросил, зачем я соглашалась возиться с ней за прежнюю цену.

— Потому что пообещала, — ответила я, глядя на окна второго этажа в доме для персонала. — Отказать после обещания было неловко.

Он заявил, что с такими привычками я и через год буду рисовать этой женщине рукава. Пока ее подруга не помрет от старости. Я фыркнула, рассмеялась и оглянулась на дом. Возмутительный мужик! Однако по делу сказал. Я вспомнила ту бессонную ночь и стала рассказывать, чем закончилось. Покупательница в итоге выбрала самый первый вариант.

Мама вышла на террасу, принесла чай. Вопросительно посмотрела, я кивнула, что все хорошо. Она ушла, а я взяла чашку и почувствовала себя последней обманщицей. Мама думала, что я обсуждаю заказ. А я болтала с врагом отца и уже не хотела заканчивать разговор. Рустам слышал мой приглушенный голос и предложил завтра поговорить там, где не придется прятаться от родителей.

Я приготовилась отказаться, но в трубке раздался женский голос. Отчетливый, недовольный. Кто-то спросил, долго ли еще ждать. Я застыла с чашкой у рта, обожгла губу и поставила ее на стол. Голос Рустама стал глуше. Он велел женщине подождать внизу, однако та продолжила.

— Водитель уже приехал. Ты мне за вечер переведешь как обычно? — спросила она. В голосе слышалось раздражение человека, которому нарушили планы.

Я посмотрела на время вызова. Двадцать семь минут. Я почти полчаса рассказывала едва знакомому мужику про ткани, спорила и улыбалась. А у него там ждала женщина. Какая

именно, выяснять было стыдно, догадок хватило с избытком. Особенно после его короткого ответа, что деньги она получит полностью. Я наклонилась над чашкой, чувствуя, как горят щеки.

— Что замолчала? — спросил Рустам, вернувшись к разговору. — Мы на чем остановились?

Я сжала подлокотник кресла. Он говорил прежним тоном, собирался продолжить, а я пыталась сообразить, как закончить с достоинством. Мы друг другу никто. Я вчера его имя узнала! Сама нашла номер, позвонила. Какая разница, с кем он проводит вечера? Только спросить, за что той женщине платят, хотелось до одури.

— Завтра я занята. Эскизы пришлю позже, — произнесла я тем деловым голосом, которым в мастерской просят освободить стол. — У вас тоже дела. Всего хорошего.

Я закончила вызов, выпила чай и встала. Эльдаров перезвонил, когда собиралась вернуться в дом. Посмотрела на номер, дождалась конца вызова. На второй звонок нажала сброс. Руку от этого мелкого торжества трясло. Я потеряла время, наговорила лишнего, а он теперь, возможно, потешался вместе со своей подругой. В дом вошла с пустой чашкой и самым спокойным лицом, на которое оказалась способна.

* * *

Рустам посмотрел на погасший экран. Снизу донесся глухой хлопок. Девка наконец свалила. Ее вызвали еще утром. Перед тем как набрать Марьям, он велел отменить встречу, но девка уже подъезжала. Помощник запоздал со звонком. Она вошла, приготовилась остаться, а Рустам велел вызвать ей машину. Раздражение было понятным.

Женщин он привык оплачивать. Время оговаривалось, сумма тоже. Понравилась, увидятся еще. Захотел закончить вечер раньше, рассчитался полностью. Обиды девок переставали касаться его после перевода. Сейчас следовало напомнить помощнику про оплату и заняться делами, а он вновь смотрел на номер Марьям. Дважды пытался дозвониться. Второй вызов она отклонила сама.

В телефоне осталось сообщение секретаря с именем Марьям, ее номером и претензией. Рустам перечитал. Представил, с каким лицом Марьям диктовала это его сотруднице, затем вспомнил смех в трубке. Пока разговаривал, сам усмехался, забыв про папку на столе. Теперь подтянул ее к себе, достал верхнюю фотографию.

Дочь Хаджиева смотрела в объектив, держа в руках какой-то рисунок. Сегодня добровольно оставила свой номер. Еще и придумала, как объяснить звонок своему отцу. На этой мысли Рустам улыбнулся шире. Марат лоханулся. Захотелось набрать Хаджиева и услышать, что тот ответит, узнав, с кем дочь только что разговаривала.

Он потянулся за сигаретами, передумал и бросил пачку обратно. Рано звонить Варвару. Пусть еще верит, что девочка папина доча. А с Марьям нужно разобраться. Услышала другую женщину, обиделась и закончила разговор. Теперь наверняка ждет оправданий. Следовало оставить ее в покое до утра. Рустам понимал это, однако уже взял телефон.

Он нашел номер ресторана. Попросил проверить, какой стол бронировали позавчера на имя Хаджиевой, и оставить этот же на завтра, на семь вечера. Дождался подтверждения, открыл переписку с Марьям. Написал, стер, рассердился на себя за возню. Нужно одно приглашение, а он расселся, подбирает слова, как галантный кавалер, блин. Набрал заново и отправил. Папку закрыл, фотографию положил сверху.

* * *

Сообщение пришло, когда я убирала сантиметр в коробку. Папа принес рубашку, оставил на стуле и задержался над альбомом. Я увидела номер Рустама и повернулась к окну. Рустам приглашал завтра в семь в тот же ресторан, за тот же стол. Даже номер указан. Последней строкой Эльдаров велел принести эскизы. Раз я записала его в заказчики, должна показать, что умею.

Наглый! Я еще никуда идти не согласилась, а он уже... После услышанного соглашаться было бы унизительно. Но я уже открыла поле для ответа. Хотелось спросить, сколько заказчиц он принимает за вечер и все ли получают деньги на выходе. А еще хотелось надеть платье, которое неделю висело в шкафу, потому что мне было некуда в нем пойти.

— Согласовал встречу? — спросил папа за моей спиной. Я вздрогнула и торопливо погасила экран. — Что за заказ? — Я посмотрела сначала на рубашку, затем на альбом.

— Мужской костюм, — объяснила я. — Нужно показать наброски, обсудить работу. Клиент занятой, предлагает ресторан, — слушала собственный голос и понимала, что уже оправдываю встречу, от которой собиралась отказаться. Папа перевернул лист и спросил, во сколько. Я ответила раньше, чем успела подумать.

— В семь? Хорошо. Я сам тебя отвезу, — сказал он, закрывая альбом. — Заодно посмотрю, что там у тебя за заказчик. После поужинаем вместе.

Телефон завибрировал. Я прижала его к бедру и смотрела, как папа поправляет свою рубашку. Он даже улыбался. Ему нравилось, что я работаю, и он собирался поддержать меня. А на экране светилось второе сообщение Рустама. «Жду ответа, Марьям». Я открыла рот, но выговорить ничего толком не смогла. Папа собирался отвезти меня на свидание. К человеку, которому сам когда-то распорол лицо.

ГЛАВА 4

Первое сообщение Рустаму я набрала сидя в ванной, потому что только туда папа за мной точно бы не пошел. Написала, что отец собирается отвезти меня в ресторан. Посмотрела на эти слова и стерла. Получалось, я прошу почти незнакомого мужчину помочь обмануть семью. Очень по-взрослому! Сама нашла номер, сама разговаривала, теперь бегаю по дому и прячусь с телефоном. Усевшись на холодный край ванны, отправила другой ответ. «Завтра встретиться не получится. Отмените стол». От собственного отражения в блестящем кране становилось стыдно. Взрослая я была только в словах, а на деле сидела в ванной, как школьница, которую поймали с любовной запиской.

Он прочел быстро. Настолько быстро, что я еще держала палец над экраном. Появилась надпись о наборе текста, исчезла, затем телефон зазвонил. Я смотрела на него до третьего гудка и ответила. Рустам спросил, что случилось, и я услышала в голосе раздражение. Вот тебе и приглашение! Я еще согласия не давала, а уже оказалась виноватой в испорченных планах. Уселась на край ванны поудобнее.

— Я сказала папе, что это заказчик. Он хочет отвезти меня, — проговорила я, глядя на полотенца. — Встречу отменяю. Это моя ошибка, я сама все придумала.

— Настолько боишься отца, что без разрешения поесть не можешь? — Рустам засмеялся, а я поднялась, едва не уронив телефон в ванну.

— Могу! И поехать могу с кем хочу! — выпалила я. — Только врать папе ради вас больше не хочу. Мы с вами один раз поговорили! — Я замолчала, услышав собственное «больше». Не собиралась признаваться, что уже обманывала. Тем более ему.

— Тогда поужинай с отцом, — отрезал Рустам. — Когда сама поймешь, чего хочешь, позвонишь. Я перед Варваром с твоими рисунками сидеть не собираюсь. Мы не очень сильно дружим. Боюсь, ты увидишь нас в неприглядном свете.

Он отключился первым. Я еще подержала телефон у уха, затем опустила. Пахло шампунем, на раковине лежал мой забытый браслет. Самый обычный вечер, а у меня дрожали пальцы. Он имел право рассердиться на отмененную встречу. Это я понимала. Только зачем было говорить про отца так, будто я маленькая и меня надо стыдить? Я вытерла лицо мокрыми руками, посмотрела в зеркало и решила, что завтра сдам заявку, заберу рубашку у машинки и проживу день без этого человека. Папе сказала, что заказчик перенес встречу. Он поднял глаза от телефона, спросил, почему.

— Дела, — пожала плечами.

Отец посмотрел внимательно, но расспрашивать перестал. Предложил все равно поужинать вдвоем. Мама собиралась на примерку к своей давней знакомой, вечером нас дома никто не ждал. Отказаться означало бы просидеть в комнате, ожидая звонка, которого мне никто не обещал. Я согласилась. Но вспомнила, что сама назвала ресторан, и попросила выбрать другой. Папа пожал плечами, сказал, что еда там нормальная, а я хочу бесконечно спорить даже из-за ужина.

На следующий день я пересдавала экзамен. У аудитории у меня из папки высыпались листы. Алина помогла собрать, заодно прочла надпись на полях. «Кто вам вообще разрешил?» Я писала ее вчера вместо названия детали. Подруга посмотрела с интересом. Пришлось вырвать лист и спрятать в папку. Когда вошла, преподаватель спросил про работу, я ответила, повторила объяснение уже увереннее. Через двадцать минут вышла с зачетом и впервые за несколько дней захотела порадоваться тому, что сделала сама. Позвонила маме. Следом папе и Виталику. Рустаму писать было нечего, и от этой мысли радость слегка испортилась.

В мастерской пришлось догонять то, что запустила за два вечера. Надежда Павловна велела разложить эскизы, молча ткнула карандашом в неверную линию. Я переделала. Алина принесла чай, посадила рядом Артема, который обещал помочь со снимками для отбора. Мы обсудили цену, записали, в какие дни он сможет приезжать. Он подрабатывал фотографом и таскал камеру бережнее, чем некоторые носят детей. Я даже предложила отдельную полку, чтобы никто случайно не смахнул ее со стола. Артем посмеялся и взял с меня обещание перестать размахивать ножницами над его камерой.

— До конца июня успеем, — сказала Алина, разворачивая к свету мой рисунок платья. — Только я в этом стоять смогу? Или падаю красиво и лежу?

Я показала, где будет разрез для шага, и мы рассмеялись. Смех помог больше кофе. Работа наконец пошла. Подкладка легла, карман перестал выворачиваться, заявку отправили до закрытия приема. Али терпеливо ждал в коридоре. Я сама вышла к нему, показала подтверждение и впервые за неделю поговорила без претензии к его существованию. Он поздравил, забрал чехол. В машине я открыла телефон лишь после того, как пристегнулась. Эльдаров молчал, как и обещал.

К ужину я надела темное платье. Сняла. Вдруг все-таки явится в ресторан, подумает, что нарядилась ради него. В конце концов рассердилась на эту дурацкую логику и надела обратно. Папа ждал внизу, в рубашке с укороченными рукавами. Я проверила манжеты, поправила одну, получила поцелуй в лоб и похвалу. Отец гордился так откровенно, что стало больно за вчерашнюю ложь. Он весь день собирался поддержать дочь, а я мерила наряд и гадала, понравлюсь ли его врагу.

В ресторане нас встретил тот же администратор. Узнал меня и помрачнел, но папа успел представиться прежде, чем парень придумал, куда спрятаться. Я остановилась у стойки и извинилась за первый вечер. Сказала, что тогда сорвалась зря. Администратор выпрямился, заулыбался, проводил нас к столику. Папа слушал молча. Когда сели, спросил, что натворила. Пришлось рассказать про стол, голос и барную стойку. Про Эльдарова он уже знал от меня. Новостью было только мое поведение.

— Значит, сначала накричала на человека, который тебе еду предлагал, — заметил отец, раскрывая меню. — И объявила, что у тебя плохой день. Узнаю дочь.

Я ткнула его ногой под столом. Папа усмехнулся, поймал мой взгляд и вдруг стал серьезным.

— Правильно сделала, что извинилась. Парень ведь тебе ничего дурного не сделал, — сказал папа, и я перестала улыбаться. Он расспрашивал про экзамен, про конкурс, про деньги за эскизы. Я оживилась. Показала фотографии, объяснила, почему хороший материал приходится искать. Он предлагал оплатить все, я спорила, что часть уже заработала. Отец выслу-

шал, заказал десерт и объявил, что хотя бы за ужин заплатит без обсуждения. Мне было с ним хорошо. Если бы еще не тянулась каждые пять минут проверить телефон!

Рустам позвонил папе, когда принесли горячее. Я увидела фамилию на экране, потому что телефон лежал между нашими тарелками. Отец хотел сбросить, но ответил. Имя произнес коротко, с отвращением. Я перестала резать мясо. С того конца доносился знакомый голос, слов за шумом зала разобрать не могла. Папа объяснил, что занят. Рустам продолжал говорить. Отец попросил меня поесть, поднялся и отошел к выходу на террасу.

Я сидела над тарелкой, чувствовала, как холодеют пальцы. Эльдаров знал, с кем я ужинаю. Сам велел идти с отцом. И выбрал это время для звонка! Хотел испортить нам вечер или напомнить, что может добраться до меня через любой телефон? Я достала свой, открыла переписку и набрала вопрос. Стерла. Он этого и добивался бы, если делал намеренно. Спрятала телефон, взяла вилку и обнаружила, что прожевать кусок стало невозможно.

Отец вернулся раздраженный. Сел, сдвинул тарелку, позвал официанта поменять остывшее. Я ждала, пока заговорит сам, но он спросил про платье для Алины. Пришлось ответить. Но все же поинтересовалась, чего хотел Эльдаров. Папа внимательно выслушал меня, слегка удивленно. Рассказал лишь, что тот торопит решение по какой-то земле, которую ему никто передавать не собирается. Папа говорил спокойно, но к еде больше не притронулся. Я поняла, что и дома он от этого разговора не отвлечется.

— Он ко мне еще подъедет? — спросила я, разглядывая край тарелки. — Из-за твоего отказа?

Папа взял мою руку. Я сжала его ладонь, все еще думая о Рустаме, и опустила глаза. Мне захотелось рассказать все. Он бы рассердился, конечно. Запретил бы. Но сейчас помог бы перестать ждать. Я смотрела на его руку и молчала. Завтра удалю номер. Тогда и рассказывать будет незачем. Я повторила это про себя и отодвинула телефон подальше.

— Подъедет — скажешь Бали. И мне, — ответил отец. — Ты к земле отношения не имеешь. Никаких разговоров вместо меня вести не должна. Запомни это, дочь.

Я кивнула. Десерт мы все-таки съели, хотя папа больше почти не улыбался. На обратном пути он показал, где раньше был магазин, в котором покупал Виталику игрушки. Рассказал смешную историю, как брат требовал один и тот же набор деталей, потому что дома терял колеса. Я слушала, смеялась, а сама вспоминала, что первый платный рисунок тоже ушел на подарок Виталику. У меня была семья, жизнь, планы. С чего я вообще позволила незнакомому мужчине портить вечер одним звонком? От этих воспоминаний стало еще стыднее перед папой. В моей жизни уже было много своего, настоящего, честного. А за ужином я вместо разговора с папой все думала о мужике со шрамом.

Домой приехали рано. Мама уже вернулась, сняла серьги и сидела на кухне с чаем. Папа поцеловал ее в висок. Я оставила им десерт, поднялась к себе и наконец написала Рустаму. «Вы специально позвонили во время нашего ужина?» Ответа ждала стоя, в платье, даже туфли снять забыла. Телефон ожил через несколько минут. Он спрашивал, разрешается ли ему теперь обсуждать дела с моим отцом по расписанию, утвержденному дочерью. Я разозлилась, позвонила сама.

— Вы знали, что мы вместе! — выпалила я, поднимаясь по лестнице. — И у папы после разговора все настроение испортилось. Вам приятно?

— Перестань кричать, — потребовал Рустам. Я остановилась у своей комнаты, чтобы мама не услышала разговор.

— А вы отвечайте! Не могли позже позвонить? — Я вошла в спальню, закрылась и прислонилась к косяку. У нас с папой был хороший вечер. Хоть один мог бы обойтись без этого человека.

— Мог, — ответил Рустам после короткой паузы. — Мне до завтрашней встречи нужен был ответ. Выбрал время, когда он точно возьмет трубку. Ваш ужин мне свои дела откладывать не повод. — Я замолчала. Он даже не собирался оправдываться.

— Я вчера предложил встретиться, — сказал он, неожиданно переходя на более тихий голос. — Ты все отменила. Я услышал. С отцом твоим у меня другой разговор. Давай отделять одно от другого.

— Как же чудесно получилось, — проворчала я, чувствуя себя дурочкой.

Эльдаров помолчал, затем спросил, сдала ли я экзамен. Я растерялась. Вчера рассказывала между жалобами про рукав, он запомнил. Ответила, что сдала. Он поздравил, спросил, что подарить. Я отказалась от подарка и тут же пожалела, что вообще отвечаю. Пять минут назад кипела от злости, теперь стояла, упершись лбом в шкаф, и слушала его похвалу.

Мы говорили недолго. Я настояла, чтобы при следующем появлении у университета он оставил папины дела дома. Рустам спросил, приглашение ли это. Я крикнула, что ничего подобного, услышала смех и закончила звонок сама. На лице опять появилась улыбка. Я увидела ее в зеркале и села на кровать, разозлившись окончательно. Разве так бывает? Человек только что признал, что нарочно испортил отцу вечер, а мне уже приятно, что он помнит мой экзамен. Такие качели пугали сильнее его злости. Я еще не успевала обидеться до конца, а он уже бросал одну теплую фразу, и я цеплялась за нее, как за оправдание для себя самой.

* * *

Рустам положил телефон на стол, за которым еще утром рассчитывал новые условия. Звонок Хаджиеву действительно мог подождать. Эльдаров знал, где Марат, знал, что рядом дочь, и выбрал время с удовольствием. Марьям после ужина набрала сама. Раздраженная, горячая, отстаивающая папу так, что хотелось слушать еще. Он расстегнул рубашку у горла. Удовольствие было паршивым. Если бы она знала, чего он добивается от ее отца, смеяться бы перестала. Рустаму было любопытно, как она отреагирует, когда правда откроется.

Рашид приехал с бумагами, увидел телефон и промолчал. Доложил по участкам. Марат уступать отказался, Валид готов обсуждать только вывоз оборудования Рустама. В свое время они вложились в часть работ, теперь Эльдаров требовал гораздо больше возмещения. Хотел въезд, прилегающую землю и возможность решать, кто останется в складском дворе. Рашид положил расчет на стол. Рустам ткнул пальцем в нужный участок и велел оставить требования прежними. Попросил узнать, во сколько завтра заканчиваются занятия у Марьям.

— За корпусом ждать? — уточнил помощник, доставая телефон. Рустам поднял на него глаза, и тот поспешил объяснить. — Там места для машины больше.

Эльдаров велел занимать обычную парковку. Никаких поездок за девушкой внутрь корпуса, никаких попыток разговаривать вместо него. Рашид записал распоряжение и ушел. На столе остались план земли и рисунок жакета в открытой переписке. Рустам увеличил фотографию. Марьям прислала ее, ничего от него не требуя. Даже денег на ткань просить отказалась. Придется искать другой способ сделать так, чтобы она ждала его сама. Он набрал цветочный магазин и впервые за долгое время выбирал букет.

ГЛАВА 5

Цветы были видны с верхней ступеньки. Большой светлый букет, машина, которую я уже научилась узнавать, и Рустам, стоявший у машины. Я остановилась так резко, что Алина влетела мне в спину. Выругалась, выглянула из-за плеча и замолчала. Внизу Али убрал телефон. Посмотрел на меня, на Эльдарова и двинулся ему навстречу. Вот теперь захотелось исчезнуть вместе с лестницей и всей нашей проклятой охраной. Полуниверситета выходило с занятий, а он выбрал именно это место.

Я спустилась раньше, чем мужчины успели заговорить. Рустам увидел меня и протянул цветы с таким видом, будто приехал за женой после работы. На нем была светлая рубашка, на руке часы, от которых солнечный зайчик попал мне в глаза и заставил поморщиться.

Букет пах свежей водой и чем-то сладким. Я невольно улыбнулась. А ведь минуту назад боялась его появления. Вот в чем ужас. Я сколько угодно могу рассказывать, что он наглый, что ведет себя отвратительно. Но первую улыбку все равно сдержать не смогла. Бали уже смотрел на нас. Студенты на лестнице оглядывались, а я все не могла отвести глаза от букета.

— С экзаменом, — сказал он, держа букет между нами. — Только кислую физиономию убери. Я эти цветы выбирал, между прочим.

Бали остановился сбоку. Я видела его рукав, чувствовала, как он смотрит на меня, и улыбка исчезла. Рустам заметил, усмехнулся уже иначе. Наклонился, протягивая цветы, но я так и не протянула ему руки. По ступеням спускались девчонки с нашего курса. Одна оглянулась, другая взяла подругу под локоть. Завтра об этом узнают все, кому сегодня не хватило обзора. Папа узнает через минуту. Рустаму же нравилось стоять у машины и ждать, когда я наконец возьму подарок.

— Вы меня опять подставляете, — сказала я тихо. — Уезжайте. Пожалуйста. Я… Я сама скажу спасибо.

Последние слова вырвались зря. Бали повернул голову. Я поспешно добавила, что хватит приезжать без предупреждения. Рустам держал букет, и чем дольше я медлила, тем жестче становилось его лицо. Перед людьми отказывать такому человеку было страшно. Я видела это по тому, как водитель у соседней машины перестал курить и стал смотреть на нас. Хотелось взять цветы хотя бы ради того, чтобы закончить неприятную сцену. Но пришлось бы нести их домой и объяснять отцу, что слушаю предупреждения выборочно.

— Марьям Маратовна, машина подана, — произнес Бали. Он говорил со мной, однако смотрел на Рустама. — Дома ждут.

Эльдаров повернулся к нему. Поднял бровь, будто только увидел человека, которого сюда вообще не звали. Я поспешно отошла к своей машине, заставляя Бали двигаться следом. На втором шаге стало так жалко оставленный букет, что захотелось вернуться. Позавчера сидела у себя в ванной, пряталась с телефоном, сегодня отказалась от цветов. Что за знакомство такое, если от каждого хорошего жеста мне хочется плакать? Рустам окликнул по имени. Я обернулась раньше, чем успела себе запретить. Радость тут же превращалась в вину.

— В следующий раз сама скажешь, где встретимся, — бросил он. — А пока езжай. Больше приглашать не буду.

Он положил букет на заднее сиденье. Сел за руль и уехал прежде, чем Бали успел обойти машину. Я смотрела через стекло, как исчезает его машина, и кусала щеку изнутри, чтобы скрыть обиду. Он рассердился. На меня, хотя сам все устроил. Охранник сел впереди, взял телефон. Я сама попросила позвонить отцу и рассказать. Бали встретился со мной взглядом в зеркале, кивнул. Обманывать его относительно увиденного я не собиралась. Но про вчерашний экзамен и вечерний разговор он пока мог только гадать.

Дома папа ждал в кухне. Мама стояла у панели и чистила яблоко. Отец спросил про цветы. Я ответила, что отказалась. Он уточнил, откуда Эльдаров узнал об экзамене. Вот этого вопроса я боялась всю дорогу. Сказала, что проговорилась в ресторане при первом знакомстве, когда жаловалась на испорченный день, упомянула учебу. Это было правдой наполовину, а на вторую половину… Неважно, в общем.

Он смотрел долго. Я ждала, что папа потребует телефон. Я говорила почти спокойно, а отец продолжал молчать. Он мне не верил. Я уже жалела, что не призналась в звонке, пока он сам не начал расспрашивать.

— Ты с ним разговаривала еще? — спросил он. — Кроме тех двух встреч, про которые сама рассказала?

Я услышала стук ножа о доску. Он стукнул один раз и замер. Значит, мама тоже ждала ответа. Сказать «да» можно было сейчас, одним словом. Послушать лекцию, отдать телефон. Я открыла рот и ответила, что встреч больше не было. Отец нахмурился. Пришлось добавить,

что между нами с Эльдаровым нет никакого общения. И это была правда. Почти. Телефонные разговоры остались между двумя моими утверждениями, и оттого было особенно гадко. Но папа выдохнул.

Он поцеловал меня в лоб, велел поесть и ушел к Бали. Мама положила нож, вытерла ладони, посмотрела на мое лицо. Я устала держать его спокойным и отвернулась к шкафу. Взяла чашку, достала чай, поставила обратно. Мама сказала, что отец сейчас очень боится, и я сердито попросила перестать говорить об этом. Она замолчала. Моя светлая, до сих пор наивная мамочка. Я села за стол, съела несколько ложек супа и старалась не смотреть на маму. Букет уехал с Рустамом, а я все равно оправдываюсь, словно совершила что-то плохое.

Наверху я позвонила ему. Ответил после долгих гудков, на заднем плане слышалась музыка. Я услышала и приготовилась снова обнаружить женский голос. Но рядом говорил мужчина. Рустам же велел ему выйти. Я молчала, потому что приготовленная благодарность после домашнего допроса стала звучать до смешного глупо. Он позвал по имени, спросил, добралась ли я. От обычного вопроса захотелось расплакаться. Он мог хотя бы посердиться! Я бы тоже накричала, бросила трубку. А от его заботы только сильнее защипало в носу.

— Спасибо за цветы, — сказала я. — Я не могла их взять. Бали все видел, папа обо всем спросил. Вы это прекрасно понимали. — Он ответил, что цветы выбрасывать пока не собирается. Стоят у него в кабинете, всем мешают. Я представила букет на столе между его бумагами и невольно улыбнулась. Рустам услышал перемену голоса.

— Тебя нетрудно рассмешить, да? Тогда оставайся такой всегда, — в его голосе еще слышался смех. Я перестала улыбаться. Он словно забыл, почему я отказалась от букета.

— Не подлизывайтесь ко мне. Я и так отцу вру из-за вас. — Я отошла вглубь комнаты, чтобы мама не услышала. После ее взгляда на кухне мне хотелось запереться и больше ни с кем не разговаривать.

— Иногда маленькие девочки становятся большими, и их родителям приходится непросто. Такое случается, не парься по этому поводу. — Мы разговаривали, пока я переодевалась. Я включила громкую связь, оставила телефон на столе и вытащила домашние брюки, запуталась ногой в штанине и услышала, как он требует объяснить грохот. Пришлось признаться. Он засмеялся, назвал меня бедой и неожиданно предложил помочь подготовить рассказ о работе. Он выслушает то, что я собираюсь говорить о своих вещах на отборе. Мне стало стыдно за вчерашние предположения о его равнодушии. Достала альбом, села на ковер и начала рассказывать. В середине объяснения он остановил. Потребовал сказать человеческими словами, для кого шью платье и зачем столько складок. Я рассердилась, затем поняла, что сама пересказываю фразы из методички. Попробовала иначе. Рассказала про Алину, про ее привычку сидеть на подоконнике, про юбки, в которых даже на лестницу трудно подняться. Рустам слушал, задавал резкие вопросы, иногда перебивал. Я записала две удачные фразы и вычеркнула полстраницы. Перечитала вслух. Вот теперь я могла произнести это вслух и не поморщиться!

— Вот так и говори, — сказал он. — Ты же умеешь. Зачем из себя учебник изображать? И тон измени, а то читаешь, как будто штраф мне выписываешь.

Я рассмеялась, прижала альбом к груди. Он еще ничего для меня толком не сделал. Всего лишь выслушал и обругал несколько строчек. А мне уже хотелось положить голову ему на плечо, дослушать этот низкий голос, придумать причину разговаривать подольше. Я вспомнила его руку с букетом. Как солнце отражалось в часах. Знакомы четвертый день, а я уже высматриваю его номер на телефоне. И никак не могу взять себя в руки.

Вечером мы созвонились снова. Я отправила ему подтверждение, что заявку приняли, и он перезвонил. Виталик прислал смешной мем и фотографию чемодана, мама позвала на чай, папа вышел из кабинета. Я отвечала каждому, соблюдая видимость обычного вечера. Закрылась у себя и слушала Рустама до темноты. Он рассказал, как в юности пытался работать на стройке и сбежал после недели, потому что терпеть приказы прораба было труднее, чем таскать

мешки. Я спросила, теперь команды любят все его сотрудники? Он усмехнулся, сообщил, что за такое терпение хорошо платит. Про женщин я спросила сама. Долго ходила вокруг вопроса, пока не решилась.

— А кто была та девушка, что ожидала оплаты за вечер? — Тут я прикусила язык. Во-первых, я не имею права о таком спрашивать. Во-вторых… Может, я неверно поняла, за что он ей платит? Хотя какой секретарь спрашивает при начальнике про оплату вечера? Рустам перестал смеяться. Я посмотрела на свои носки, на испачканный карандашом палец и приготовилась услышать замечание о возрасте. Но он ответил коротко.

— Знакомая. Встречались по договоренности. Я отменил вечер, женщина уже приехала, пришлось оплатить время. — Я поняла больше, чем хотелось. Даже стыдно стало. Как маленькая, честное слово.

— И вы считаете это нормальным? — спросила я, чувствуя, как уже горят щеки и уши. — Договориться о встрече, а после заплатить и… — я не договорила.

— Мы оба знали условия, Марьям. Никого не принуждал. Все по договоренности. — Это прозвучало настолько буднично, что я взяла со стола чашку только ради возможности занять руки. Рустам спросил, не хочу ли я теперь закончить разговор. Хотела? Следовало захотеть. Но я вспомнила, как он слушал мой рассказ про платье, и осталась на линии. Сказала лишь, что меня среди таких договоренностей быть не должно. Он ответил, что это уже понял, когда я отказалась от цветов. У нас дома о близости говорили редко и не обсуждали знакомых. Мама однажды объяснила главное так, что я запомнила, что поступать придется самой и жить со своим решением тоже. Я собиралась дождаться мужа. Для меня это было связано с доверием, с тем, что утром человек останется рядом, будет знать моих родителей, держать слово. Даже представляла такое будущее без особенного страха. Теперь разговаривала с мужчиной, которому утром привычнее было рассчитываться с девушками за определенные услуги. Стало страшно от одной мысли, что даже теперь я не хочу класть трубку.

— Марьям, ты там уже приговор мне вынесла? — спросил Рустам. — Озвучь. Я послушаю.

Я сказала, что думаю. Он предложил думать после сна, потому что я зеваю третий раз. Он засмеялся, велел ложиться, напомнил про утреннюю консультацию, о которой говорила десять минут назад. Я попрощалась и легла в темноте, прислушиваясь к дому. Внизу скрипнул шкаф, папа что-то говорил маме в коридоре. Они были рядом, оба. У меня же в телефоне оставался голос человека, который мог исчезнуть, как только ему надоест. Сна долго не было. Я переворачивалась с боку на бок, вспоминала его голос и злилась на женщину, с которой он собирался провести этот вечер. Даже имени ее не знала, а ревновала так, что подушку хотелось швырнуть в стену.

* * *

Утром Рустам застал Рашида за перестановкой букета. Вода чуть пролилась на край подставки, помощник вытирал стол с таким видом, что хозяин задержался на пороге. Цветы мешали папкам, загораживали экран, а выбросить их никто не решался. Эльдаров велел поставить у окна. Сам подошел, развернул букет так, чтобы помятые лепестки оказались сзади. Рашид деликатно отвернулся. Рустам увидел это, рассердился и отправил его за машиной.

На видеовстрече с Валидом разговор начался со старых договоренностей и закончился отказом. Земля оставалась за Хаджиевыми. Возместить часть вложений в погрузочное оборудование готовы, отдать въезд нет. Рустам перебрал все доводы, затем сказал, что деньги вернут позже, когда поймут цену нынешнего упрямства. Валид усмехнулся и напомнил, что старший брат когда-то уже объяснял Эльдарову разницу между желанием и правом распоряжаться. Рустам оборвал разговор, едва сдерживая злость. В машине открыл переписку с Марьям и увидел присланную фотографию принятой заявки.

Хотелось поздравить ее, позвать куда-нибудь поесть, спросить, когда освободится. Вместо этого он швырнул телефон на сидение и приказал ехать в офис. Валид еще смеет учить его торговаться, Марат удерживает землю, а его дочь веселится и даже не подозревает, что творится между мужчинами. Марьям во встрече не участвовала, но срывать злость он собирался на ней. Понимал, что это гадко, и все равно отложил ответ. Пусть тоже подождет.

К вечеру Марьям прислала короткий вопрос о том, получится ли поговорить в девять, как обещал утром. Он прочел. Рашид принес расчеты, Рустам подписал две страницы, посмотрел на часы. До девяти оставалось пять минут. Он мог набрать сейчас, услышать ее голос и прекратить злиться хотя бы на время. Однако перед глазами все еще стояла усмешка Валида. Эльдаров перевернул телефон. В девять он зазвонил на столе, а Рустам смотрел на ее имя и не отвечал. Она-то чем виновата в отказе Валида? Утром радовалась заявке, теперь ждала обещанного звонка. Он дождался, пока экран погаснет, и отодвинул телефон.

ГЛАВА 6

В девять вечера я сидела на полу с телефоном и ждала, когда закончатся гудки. Рустам обещал позвонить, утром сам назвал время. Я хмурилась и поджимала губы. Вызов он пропустил. Ну занят человек. Бывает. Я положила телефон рядом с коленом, развернула выкройку и обнаружила, что сижу на нужной детали. Поднялась, вытащила смятый лист, разгладила. Через семь минут посмотрела на экран снова. Разложила ткань, придвинула лампу, пыталась заняться работой. Но через каждые несколько минут бросала все и проверяла телефон. Готовилась к разговору, как к свиданию. Дура.

В половине десятого написала, что могу поговорить позже. Сообщение прочитали. Я увидела отметку и почему-то обрадовалась, что сейчас ответит. Отнесла чашку вниз, вернулась, проверила. Пусто. За стеной мама смеялась над чем-то, что рассказывал папа. Я включила машинку, чтобы занять руки, и провела строчку мимо разметки. Пришлось распарывать. Пока вытаскивала нитку, пыталась вспомнить, что сказала ему утром. Поздравление получила короткое, спросила про его встречу. Может, полезла туда, куда меня не звали? Но он сам раньше рассказывал о работе. К одиннадцати я успела придумать аварию, срочную поездку и женщину, которая приехала вместо той, что получила расчет. Последняя мысль держалась упорнее остальных. Я даже разозлилась на нее вслух.

— Какое тебе дело, Марьям? Он взрослый, свободный, никому ничего не обещал. Только звонок в девять обещал. Одну крошечную вещь. И ту не сделал. Потому что плевать ему. — Я подошла к окну, вернулась, проверила заряд. Телефон показывал больше половины. Значит, причина его молчания в другом. В полночь я все-таки набрала еще раз. Гудки шли долго и оборвались. На экране появилось сообщение. «Занят». Я опустила телефон. Трудно было предупредить? Уже набрала эти слова, стерла и написала другое. «Хорошо. Извини». Я посмотрела на отправленное сообщение и села на край кровати. Извини. За то, что в назначенное время позвонила человеку, который сам его назвал. Удалять уже было поздно, сообщение прочитали. Теперь он знал, какая я жалкая лохушка. Мало мне было его молчания, еще и извинилась за него. Наши мужчины не любят доступных. А я… Видимо, я именно такой ему и показалась со своей настырностью.

Утром глаза щипало от недосыпа. Я долго умывалась, растерла лицо полотенцем и спустилась, опоздав к завтраку. Папа поднял взгляд на часы, мама спросила, опять ли сидела над работой. Я кивнула. Они поверили. Это было хуже допроса. Мама положила мне еду, отец напомнил о консультации. Я оставила телефон рядом с тарелкой и ждала, когда он завибрирует. Рустам мог написать одно слово. Любое. Даже сердитое. Хоть что-нибудь. Только не этот игнор. Снова разозлилась на себя, расколола вилкой сырник.

В мастерской я ошиблась с меркой. Алина подняла руки, пожаловалась, что пройма тянет, я раздраженно предложила встать ровно. Она встала. Я заметила, что держу сантиметр с обратной стороны, и стало стыдно. Артем смотрел на нас из-за камеры, старательно делая вид,

что ничего не услышал. Я попросила начать заново, но Алина сняла пробный лиф и бросила его на стол. Сказала, что готова помогать, а терпеть мое плохое настроение нет. Я уставилась на нее. Она уже догадалась, в чем дело.

— Я тебя дважды позвала, — сказала подруга, убирая волосы под резинку. — Ты смотрела в телефон. Еще и накричала. Давай решим, мы работаем или ждем кого-то вместе?

Я извинилась. Без объяснений, потому что объяснение прозвучало бы жалко. Мужчина, которого толком не знаю, перестал отвечать, поэтому весь курс должен ходить на цыпочках. Алина вздохнула, протянула мне лиф обратно. Артем отошел за водой. Мы продолжили примерку, и я спрятала телефон подальше. Через десять минут рука сама потянулась проверить, все ли там спокойно. Я остановилась, с такой злостью уставилась на собственные пальцы, что Алина тихо спросила, давно ли это продолжается. Ответить «со вчерашнего вечера» было стыдно.

Надежда Павловна пришла перед обедом. Посмотрела работу, велела переделать рукав. Я уже открыла рот для спора, когда заметила, что она указывает именно туда, где я утром ошиблась. Замолчала. Преподавательница села, показала, как исправить без нового раскроя, и ушла к другим девчонкам. Я записала все, чтобы не забыть, и почувствовала себя настолько неблагодарной, что стало обидно до слез. Здесь со мной работали, объясняли, ждали. А я отдала весь день человеку, который даже не отвечал мне. Вернее, ожидала его звонка. Захотелось спрятать телефон подальше и больше о нем не вспоминать.

Так прошли еще два вечера. Я работала, отсылала Алине исправленные рисунки, отвечала маме и каждый раз оглядывалась на телефон. Рустам читал короткие сообщения и молчал. Я успела отложить разговор с заказчицей, потому что ждала его звонка, а следом пришлось самой извиняться и назначать новое время. На третий день перестала придумывать проблему. Человек, который читает переписку, способен написать, что жив. Раз читает и молчит, значит жив и здоров. И мне нечего о нем беспокоиться. Да и беспокойство ли это было? Скорее задетая гордость.

После занятий хотелось попросить Бали покатать меня по городу. Вдруг среди машин мелькнет знакомая. Я испугалась собственной мысли и велела ехать домой. Охранник посмотрел через зеркало, уточнил, болит ли голова. Ответила, что болит. Это уже было правдой. Дома выпила воды, задвинула шторы и легла, прижав телефон к животу. Когда проснулась, на экране было сообщение от Виталика. Завтра вылетает, просит встретить улыбкой, а не списком покупок. Я отправила смешную картинку. Рустаму писать запретила себе до вечера.

Запрета хватило на час. Написала ему «Вы живы?» Прочел. Ответил после долгой паузы. «Что за вопросы?» Я уставилась на экран. Можно ведь написать «жив, занят, позже». Он выбрал заставить меня объяснять. Я набрала длинное сообщение, стерла половину, оставила, что волновалась. Ответ пришел быстрее. «Я на работе. Хватит названивать». Я сегодня ему даже не звонила. Считала каждый вызов, каждый знак, каждую минуту своей навязчивости и знала точно, что не звонила. Пошел бы он… Лесом!

Я позвонила. Уже со злости. Когда ответил, заговорила так быстро, что сама себя перебивала. Напомнила про девять, про обещание, про одно сообщение, которое мог прислать. В трубке слышалась улица, затем что-то хлопнуло. Рустам попросил говорить тише. Я спросила, кто рядом слушает. Он ответил, что водитель, и потребовал оставить его людей в покое. Я стояла в спальне босиком, сжимая край шторы, и орала на мужчину. Взрослого, состоятельного мужика.

— Истерики оставь своим ровесникам, — бросил он. — Я несколько дней был занят. Ты уже все мозги мне вынесла.

Я замолчала. А вот «ровесники» ударили больнее всего. Вот значит, кем он меня считает? Девчонкой, которая навоображала себе лишнего и теперь достает его. Нет, не так. «Выносит мозги». Я посмотрела на стол с рисунками, которые он хвалил, и захотела смять их в комок и

вышвырнуть в мусор. Столько разговаривал, сам интересовался, запоминал мелочи. А теперь велел идти к ровесникам. Я поджала губы, чувствуя, как горят щеки. Рустам на той стороне выдохнул, назвал мое имя уже спокойнее.

— Марьям… — он позвал уже тише. Я ждала, что Рустам объяснит свое молчание, но в трубке слышался только шум дороги.

— Тогда все, — перебила его я и удивилась собственному голосу. Он получился тихим, ровным и спокойным. — Я услышала. Звонить больше не буду.

Я услышала его «Марьям, подожди», но я закончила вызов. Села на пол там, где стояла. Слезы потекли без предупреждения, горячие, унизительные. Я закрыла лицо ладонями и слушала, как в коридоре мама что-то ищет в шкафу. Сейчас зайдет, увидит. Придется рассказывать. Я поднялась, заперлась в комнате и включила воду в ванной. Никогда еще так не боялась обычного материнского стука. Не наказания боялась. Того, что она обнимет и спросит, кто меня обидел, а я продолжу защищать человека, который только что вытер об меня свои ноги.

Когда постучала, я действительно плакала над раковиной. Крикнула, что моюсь. Она попросила выйти к ужину, я ответила через шум воды. Еще долго разглядывала себя в зеркале. Красный нос, мокрые ресницы, след от пальцев на щеке. Из-за чего? Из-за обещанного звонка? Или потому, что за несколько разговоров я уже успела к нему привязаться. Но я же не уличная собачка. Должна же иметь гордость в конце-то концов!

Я умыла лицо прохладной водой, вытерла полотенцем и подняла телефон. На экране было два пропущенных от Рустама. Я увидела их и… обрадовалась. Вот за эту радость хотелось ударить себя по рукам. Две красные строчки на экране смогли сделать меня счастливее, чем целый день работы и родной дом. Смотреть на эти строчки становилось все труднее. Я вытерла глаза, а ответить так и не решилась.

Отвечать в тот вечер я отказалась. Пришлось убрать телефон в ящик, потому что каждый раз, когда он загорался, я придумывала причину взять его. Вдруг извинится. Вдруг все было недоразумением. Вдруг я действительно вела себя слишком настойчиво. За ужином папа спросил про работу. Я рассказала, что ошиблась, услышала его спокойное «переделаешь» и расплакалась над тарелкой. Мама поднялась, отец отложил вилку. Пришлось объяснять усталостью. И они опять поверили, потому что я всегда ревела из-за испорченных вещей.

Позднее пришло голосовое сообщение. Я включила его уже в постели, прижав телефон к уху. За голосом Рустама слышался уличный шум.

— Погорячился я, Марьям. Надо было нормально поговорить, — произнес он хрипло, все еще сердито. — Завтра буду в городе, смогу заехать. — Я прослушала сообщение дважды. Про три дня молчания он не сказал. Почему прочитал мое «извини» и оставил без ответа, тоже. Отложила телефон, не записав ничего в ответ. Сил продолжать ссору не было.

* * *

Рустам стоял у окна, пока запись доставлялась. Сообщение было прослушано, но ответа не пришло. С раздражением положил телефон на подоконник, затем взял обратно. До этого Марьям звонила, значит, ждала. Успокоить ее можно было позднее, когда закончится встреча, когда подпишут документы, когда перестанет бесить Валид. Сейчас она молчала, и Рустам, закончив очередное дело, опять проверял телефон.

В девять пришла женщина, которую он знал несколько месяцев. Встречу сегодня сам подтвердил после ссоры, рассчитывая отвлечься. Она сняла куртку, посмотрела на букет и спросила, праздник ли. Рустам ответил грубо, однако извинился и велел заказать машину обратно. Женщина задержалась у выхода, поправила куртку и потребовала хотя бы в следующий раз предупреждать заранее. Была права. Он перечислил оговоренную сумму сам, хотя раньше этим занимался Рашид, и проводил ее. Ему не понравилось, что она трогала вазу с цветами для Марьям. Букет он поправил, едва проводив женщину.

Он поужинал стоя. Еда давно остыла, подогревать расхотелось. Позвонил помощнику по поводу новой встречи с Хаджиевыми, выслушал ответ. Рашид заодно спросил, продолжать ли собирать фотографии Марьям. Рустам подтвердил прежнее поручение. Отказываться от возможности надавить на Марата, пока тот держит землю, он не собирался. Закончил звонок и обнаружил, что всю беседу смотрел на ее имя в другой переписке.

Рустам открыл присланную Марьям фотографию. Она подписала ее коротко, обрадовавшись, что заявку приняли. На снимке торчал край рукава, она держала лист перед камерой, довольная собой. Он мог тогда поздравить ее нормально. Спросить, как прошла примерка. Рустам прочел свое «хватит названивать» и вспомнил два пропущенных. Два. Ночью. После того как он сам назначил разговор. Пришлось признать, что дело было в его злом удовольствии, а не в ее навязчивости.

Утром он заказал цветы и отменил заказ. Браслет пролистал в каталоге, закрыл. Все это не то. У него хватало денег купить Марьям столько приятного, что комната перестала бы вмещать подарки. Но она хотела разговора, а Рустам все еще выбирал вещь, которая избавит его от неприятных объяснений. Он набрал «Я был неправ». Посмотрел, дописал «Про ровесников тоже». Отправил, выругался беззвучно и отправился на встречу, где люди хотя бы приносили бумаги, на которых можно было показать пальцем, что именно его не устраивает. Он предпочел бы еще раз поругаться. Рустам мог приказать, заплатить, приехать, заставить ждать. А признавать в двух коротких фразах свою неправоту оказалось мерзко и жалко.

* * *

Виталий прилетел вечером. Я стояла в зоне ожидания рядом с папой и теребила ручку бумажного пакета с пирожками, которые мама заставила взять. Смешно было встречать взрослого мужчину с едой, он всего несколько часов летел. Но когда брат показался с чемоданом, я побежала так, что пакет едва не порвался. Он поймал меня, приподнял, засмеялся. Папа подошел, обнял его крепко, долго держал за плечи. Я увидела, как Виталий улыбнулся неловко, обнял отца в ответ.

В машине брат рассказывал про дорогу, отец спрашивал об учебе. Я сидела сзади, держала пакет и улыбалась там, где полагалось. Телефон завибрировал. Рустам. Я опустила экран прежде, чем папа посмотрел в зеркало. Виталий повернулся, хотел что-то спросить, и остановился на моем лице. Он заметил быстрее, чем я успела сделать вид, что рада звонку подруги. До дома доехали с шутками. А когда папа направился в дом, брат задержался со мной. По его взгляду я поняла, что теперь придется отвечать на вопросы.

— После ужина расскажешь, кто тебя так пугает, — тихо сказал Виталий, забирая у меня пакет. — Я видел, Марьям. И не спорь со мной. Ты точно что-то скрываешь. — Рентген, блин…

ГЛАВА 7

После ужина я первой поднялась наверх. Мама еще убирала посуду вместе с домработницей, папа расспрашивал Виталика про дорогу, а брат рассказывал что-то про соседа в самолете, который весь перелет пытался устроить локоть на подлокотнике Виталика. Я воспользовалась тем, что все заняты, тихо выскользнула из кухни и уже на лестнице услышала мамин голос.

— Марьям, ты куда? Я пирог разогрела, ты даже не попробовала, — крикнула она из кухни, звякнув тарелкой о стол, Мама осталась на кухне, догонять меня не стала.

— Мам, я больше не могу есть, честное слово, — отозвалась я, остановившись на ступеньке и обернувшись через плечо. — Голова гудит. Полежу немного и вернусь.

— У нее после аэропорта голова гудит, — хмыкнул Виталик, высунувшись из кухни с куском пирога в руке. Он успел переодеться, но футболка все равно была мятая после чемодана, а волосы торчали на затылке. — Это я, видимо, дома сидел, пока она летела.

Я показала ему язык и поднялась дальше под папин смех. Получилось естественно, почти весело. Только у себя в комнате моя улыбка исчезла. Я закрылась, прислонилась спиной к стене

и первым делом достала телефон, хотя прекрасно знала, что там увижу. «Я был неправ. Про ровесников тоже».

Шесть слов. Я перечитала их раз десять. Злилась, что шесть коротких слов вообще на меня как-то влияют. После трех дней молчания, моего унизительного «извини», слез в ванной и вчерашнего ужина, за которым родители пытались понять, что я от них скрываю. А меня снова тянуло ответить...

Палец завис над именем Рустама. Стоило нажать, и я услышу его голос, узнаю, сердится ли еще, скажет ли что-нибудь человеческое. От этой мысли стало противно. Он мог три дня делать вид, что меня нет, а я после двух фраз уже готова проверить, не соскучился ли. Как надоедливая собачонка. Ко мне постучались. Я вздрогнула, погасила экран и прижала телефон к груди, хотя брат еще даже не вошел.

— Если ты легла спать, то лучше просыпайся, — донесся голос Виталика, и ручка тихо щелкнула под его ладонью. — Пустишь или мне здесь состариться?

— Заходи, — бросила я, усаживаясь на край кровати и стараясь принять нормальный вид. Телефон так и остался в руке. Прятать его под подушку было бы еще подозрительнее.

Брат вошел, прикрыл за собой и задержался на пороге, рассматривая меня. В коридоре остался его неразобранный чемодан. Из приоткрытого кармана торчал пакет с подарком, который я ждала несколько месяцев. Виталик провел ладонью по затылку, подошел к креслу и сел, вытянув ноги. По нему было видно, что дорога вымотала, однако идти спать он не торопился.

— Ну? — спросил он, опираясь локтями на подлокотники и переводя взгляд с моего лица на телефон. — В машине ты от одного звонка покраснела так, что я подумал, сейчас сознание потеряешь. Теперь в комнате сидишь, словно что-то натворила. Ты в детстве так делала, когда проказничала. Рассказывай.

— Нечего рассказывать, — буркнула я, опустив телефон на покрывало и начав поправлять край ткани, который и без меня лежал ровно.

Виталик тихо усмехнулся. Он смотрел на меня тем самым взглядом, который я ненавидела с детства. Под таким взглядом бесполезно было объяснять, что вазу разбил ветер, шоколад исчез сам, а двойку поставили из принципа. Прошли годы, он уехал учиться, вернулся совсем взрослым мужчиной, а способность видеть мою ложь никуда не делась.

— Марьям, — протянул брат, потирая большим пальцем переносицу. — Я только сегодня домой приехал. Дай мне хотя бы сутки без твоих сказок. Завтра можешь начинать.

— Какие еще сказки? — огрызнулась я, скрестив руки на груди и тут же поняв, что выгляжу именно как человек, которому есть что скрывать.

— Те, которые ты сейчас сочиняешь, — спокойно ответил Виталик, кивнув на телефон. — Я тебя знаю.

Вот же настырный. Всегда таким был. Я отвернулась к столу. Там лежали карандаши, выкройки, альбом, несколько обрезков ткани. Все знакомое, мое, нормальное. По коридору со смехом прошли мама и папа. Дом жил своим обычным вечером, а я пряталась в комнате и боялась, что они заглянут. Брат не поверит ни в заказчика, ни в случайный звонок. Придется рассказать ему, с кем я разговаривала все эти дни. Виталик наклонился вперед. Насмешка в глазах испарилась.

— Ладно, не хочешь рассказывать все, пока не рассказывай, — произнес он, сцепив пальцы в замок. — Ответь хотя бы… Тот, кто звонил тебе в машине, тебя обидел чем-то?

— Нет, — вылетело у меня слишком быстро, и я поджала губы, пожалев, что поторопилась с ответом. Брат приподнял бровь. Ничего не сказал, только продолжил смотреть. От его молчания стало неуютно.

— Я сказала нет, — повторила я, уже тише, и потянулась к телефону, будто он мог помочь.

— А лицо у тебя другое говорит, — заметил Виталик, откинувшись в кресле. — Ты от одного его звонка сжалась вся. Я еще подумал, что случилось что-то серьезное.

— Ничего серьезного не случилось, — выдохнула я, сердито убирая волосы за ухо. — Мы поссорились. Все.

— Мы — это кто? — Я замолчала.

— Вот теперь рассказывай, — предложил брат, и в голосе не было ни издевки, ни давления. Именно это и сломало сопротивление сильнее всего.

Я начала с ресторана. Рассказала про потерянный столик, про свой скандал, про мужчину у барной стойки, который влез с замечанием. Про шрам. Про то, как он поймал меня за запястье, спросил имя, а я вырвала руку и ушла. Виталик слушал молча, только иногда морщился. Когда дошла до университета, он выпрямил спину.

— Подожди, — перебил, потирая ладонью колено. — Ты имени ему не сказала, а на следующий день он уже знал, где ты учишься?

— Да, — призналась я, взяв подушку и положив себе на колени. — Приехал к корпусу.

— И ты осталась с ним разговаривать? — Я вспыхнула.

— Я сначала разозлилась! Бали был рядом. Рустам знал папу, сказал спросить про шрам… В общем, все было не так, как звучит сейчас, — я сбилась, пытаясь пересказать разговор у университета. Брат слушал все настороженнее.

— Я пока вообще ничего не понял. Рассказывай дальше. — Пришлось рассказать про папин поступок, про старую вражду и про то, как после этого я сама нашла номер приемной. На этом месте Виталик закрыл глаза и медленно выдохнул, но перебивать не стал. Я дошла до разговоров, до цветов, до того, как начала ждать Рустамовых звонков. Напоследок прочитала вслух сегодняшнее сообщение с извинением. Фамилию до сих пор не произносила. Брат первым заметил.

— Как его зовут? — спросил он, потянувшись к бутылке с водой на моем столе. Я сглотнула.

— Рустам Эльдаров. — Виталик налил мне воду и поставил стакан рядом.

— Не знаю такого, — Виталик подвинул стакан ко мне. Я взяла его, хотя пить не хотелось. Фамилия Рустама ему ничего не сказала.

— Потому что тебя здесь не было, — пояснила я, обхватив стакан обеими руками. — Они с папой опять что-то делят. Бизнес типа. Я сама половины не понимаю. Папа ничего толком не объясняет.

— Так значит, папа его порезал? На бизнес как-то мало похоже, — Виталик перестал следить за стаканом в моих руках. Теперь он смотрел мне в лицо, ожидая, что я объясню.

— Да. Но это было давно, — я обхватила стакан крепче. Хотелось рассказать больше, а я сама знала только то, что папа и Рустам согласились мне открыть.

— С самим Эльдаровым я не знаком, — проговорил брат, упираясь локтями в колени. — И их мужские разборки мне пока неинтересны. Я про тебя хочу понять. За что он извиняется? — Я посмотрела на телефон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.